

УДК 276

Протоиерей Сергей Юрьевич Рыбаков
Archpriest Sergiy Yurievich Rybakov

иерей Илья Евгеньевич Иванов
priest Ilya Evgenievich Ivanov

РАЗВИТИЕ АСКЕТИЧЕСКИХ НАСТАВЛЕНИЙ СЯТИТЕЛЯ
ИОАННА ЗЛАТОУСТА В ТРУДАХ И ПИСЬМАХ СЯТИТЕЛЯ
ФЕОФАНА, ЗАТВОРНИКА ВЫШЕНСКОГО

DEVELOPMENT OF THE ASCETIC TEACHINGS OF ST. JOHN
CHRYSOSTOM IN THE WRITINGS AND LETTERS OF ST.
THEOPHAN THE RECLUSE OF VYSHA

Аннотация. В статье сравнивается деятельность двух святителей: Иоанна Златоуста и Феофана Затворника. Делается вывод, что аскетические подходы святителя Феофана во многом идентичны тем, что являл святитель Иоанн. Кроме того, доказывается, что труды двух святителей во многом дополняют друг друга.

Abstract. The article compares the activities of two saints: John Chrysostom and Theophan the Recluse. The conclusion is drawn that the ascetic approaches of St. Theophan are in many respects identical to those of St. John. In addition, it is proved that the works of the two hierarchs complement each other in many ways.

Ключевые слова: святитель Иоанн Златоуст, святитель Феофан Затворник, нравственность, пастырство.

Key words: St. John Chrysostom, St. Theophan the Recluse, morality, priestly ministry.

«Что значит быть христианином?

Значит и веровать право, и жить свято, и освящаться Таинствами, и слушаться руководства пастырей, и к Церкви Божией Православной принадлежать, и все ею повелеваемое строго исполнять — т. е. совершать все то, что... составляет путь ко спасению».

Святитель Феофан Вышенский.

«Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни»

Несмотря на почти 15 столетий, которые разделяют время жизни святителя Иоанна Златоуста и святителя Феофана, затворника Вышенского, в их жизнеописаниях можно увидеть много общего. Во многом схожи интересы святителей: их любовь к чтению, изучению и толкованию Священного Писания. Оба они горели желанием жить уединённой иноческой жизнью, что в большей степени удалось святителю Феофану. Оба тяготились суетой и лицемерием светской жизни.

26 февраля 398 года пресвитера Иоанна рукополагают в сан архиепископа Константинопольского и для святителя наступают время особых подвигов, как радостей, так и великих скорбей, чему способствует состояние общества того времени.

В столице Восточной империи нередко появлялись лжеучения, которые распространялись среди изнеженного и привыкшего к роскоши столичного населения довольно быстро и легко, а вот искоренить их было трудно. Ариане, например, периодически усиливались благодаря поддержке властей, и стремились полностью вытеснить истинных христиан. «Новациане» считали себя хранителями истинной веры, чистыми и безгрешными людьми и проповедовали это народу. Язычники считали, что скоро их ложная вера вновь восторжествует над христианством.

Так было во времена Иоанна Златоуста. А что во времена святителя Феофана? «Было у нас две язвы: материализм и спиритизм. С недавнего времени враг насылает третью, самую разрушительную: немецкое богословствование. В чем же отличительная черта этого богословствования? В том, чтобы строить различные воззрения на христианство, относительно и существа его и истории, и по этим воззрениям стремиться к перестройке христианского общества» [11, с. 109].

В Константинополе народ при этом предавался различным порокам и не уважал духовенство, которое, в свою очередь, жило скорее мирской, нежели духовной жизнью. Даже проповеди святителя вызывали рукоплескание и восхищение у слушателей скорее как интересные и яркие речи, но не как призыв к покаянию и изменению жизни, к борьбе с грехом. Сам Златоуст восклицает так: «Можно ли сказать? Церковь сделалась театром! Сюда приходят женщины, одетые с большим неприличием и бесстыдством, чем те, что блудодействуют там. За собой они привлекают сюда и бесстыдников. Если кто хочет соблазнить женщину, никакое место, мне думается, не кажется ему удобнее церкви; и если кому нужно продать или купить, церковь ему кажется удобнее, чем площадь. Здесь сплетничают, здесь выслушивают сплетни более чем где-нибудь, и если вы желаете знать новости, то здесь вы узнаете их более чем у судилища, или в приемной врачей... Терпимо ли это? Можем ли мы снести это? Каждодневно я утомляюсь и терзаюсь из-за того, чтобы вы вынесли отсюда полезное назидание, а вы уходите с большим вредом, чем с пользой» [11, с. 56].

А вот что в Российской империи. Можно сравнить с тем, что говорил святитель Феофан, обращаясь к Владимирской пастве: «Многие живут и действуют так, как бы для них не было Господа и св. церкви Его. ... Они не стесняются тем, что то или другое дело может стать в противоречие с правилами благочестия. — Оттого идут в театр, когда надо бы идти в церковь; учреждают гулянья с шумом и музыкой во время церковных служб, и даже близь церкви, отвлекая от ней простодушных и развлекая в ней желающих благочествовать» [9, с. 16].

В ином месте святитель Феофан обличает искажения совести, на место которой «ставится превратное правило. Оттого считают скупость бережливостью, расточительность — щедростью, гнев — чувством благородного негодования, потворство — снисходительностью, жестокость — ревностью по правде, лесть — гибкостью характера, хитрость — благоразумием, гордость — чувством достоинства» [11, с. 7].

Во времена Иоанна Златоустого богатство и роскошь в столице уживались с ещё большей нищетой, причём дела милосердия

были совсем не в моде. Святитель личным примером и проповедью призывал людей жертвовать неимущим, в результате чего благотворительность в Константинополе сильно оживилась, многие богатые даже добровольно раздавали всё своё имущество и отправлялись служить в странноприимные дома. Вот как святой Иоанн говорит о делах милосердия: «Подлинно, великое дерзновение пред Богом имеет эта добродетель; как какая-нибудь царица нашей жизни, так она с великой смелостью обыкновенно проходит небесные своды; и те силы, которым вверены врата небесные, видя восходящую милостыню, с великой честью отверзают те врата ради неё и другим добродетелям; а если видят их идущими без милостыни, то запирают врата пред ними» [3, с. 349].

Святитель Феофан через полторы тысячи лет объясняет: «Истинное благопожелание услаждается благом другого и порывается на помощь и содействие нуждающемуся, почему рождает из себя деятельное и заботливое попечение о благе другого» [10].

В Восточной Римской империи население столицы было весьма смешанным: христиане, язычники, евреи, еретики — борьба с христианством упорно велась, хоть и не открыто, как это было до 313 года. Императорский двор подавал скорее пример падения, а не нравственности. Святитель Иоанн Златоуст был противником неразумной роскоши богачей и не уставал обличать их: «Сколько царей воздвигали города, строили пристани, давали им имена свои, и по смерти не получили себе никакой пользы, преданы молчанию и забвению? А рыбарь Петр, не сделавший ничего такого, но преданный добродетели, занял царственный город и после смерти сияет светлее солнца» [4, с. 242].

В беседе после землетрясения в Антиохии святитель прямо указывает на причины постигшего город бедствия: «Если бы кто-нибудь спросил, отчего поколебался город, то, хотя бы никто не отвечал, несомненно, что это — за грехи, за корыстолюбие, за несправедливость, за беззаконие, за гордость, за похоти, за ложь. Кого же? Богатых. Также, если бы кто-нибудь спросил, отчего опять получил свою неподвижность, то несомненно, что это — за песнопения, за молитвы, за всенощные бдения. А это кого? Бедных» [2, с. 763].

А святитель Феофан так проповедует: «„Всякому просящему у тебя, дай“ (Лк. 6:30), заповедует Господь, как слышали вы в нынешнем Евангелии. Это одна из самых первых заповедей в Христианстве.

О ней часто напоминают и Господь, и святые Апостолы и, чтобы расположить нас ревностнее исполнять ее, оградили ее самыми трогательными побуждениями и самыми поразительными угрозами. Ведает сие всякий, и всякий по совести должным считает помогать всем нуждающимся по силам своим. Между тем, если пересмотрим дела наши построже, мы не найдем, может быть, ни одного дела, которое бы исполняли с меньшим вниманием, как обязательное для нас вспомоществование нуждающимся. Помогаем кое-как, лишь бы отделаться от докучливого просителя, а иногда и совсем отказываем, и не большею ли частью последнее. ...Причина, полагаю, та, что грешная душа наша усваивает себе предрассудочные понятия о бедности и бедных, кои приходят на мысль, когда надо бывает оказать помощь, и расстраивают благие намерения наши до того, что не только совесть не обличает нас в отказе или слабом пособии, — напротив, нам думается, что мы лучше сделали, ничем или так легко отделавшись от просителя» [9, с. 55–60].

Особое значение в Церкви имеют пастыри. Об этом свидетельствуют обращенные к ним слова апостола Петра: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием [Божиим], но подавая пример стаду» (1 Пет. 5:1–3).

Однако среди духовенства было много недовольства и даже вражды против святителя Иоанна. Далеко не всем нравились его проповеди и наставления о священнослужении, та скромность, с которой он встречал гостей, и строгость к порокам. Святитель, наставляя духовенство, рассуждал следующим образом: «Великое дело, возлюбленные, великое дело — предстоятельство в Церкви. Оно требует и много любомудрия, и такого мужества, что должно, как сказал Христос, полагать душу за овец, никогда

не оставлять их без защиты и помощи и твердо стоять против волка. Этим пастырь отличается от наёмника. Последний, не заботясь об овцах, имеет всегда в виду собственную безопасность; первый, напротив, всегда заботится о спасении овец, забывая о себе самом» [5, с. 393]. Особенное недовольство священнослужителей вызывало то, что благодетели по увещанию святителя стремились жертвовать теперь в основном нищим, нежели духовенству, привыкшему тратить полученное пожертвование в своё удовольствие.

Феофан Затворник: «Никакого контроля: врут светские, врут духовные, а ему {про Синод} горя нет, — глазом не моргнет. — Нет власти в церкви... как кто хочет, так и действует и учит. — Попы всюду спят... Не спящих один-два — и обчелся» [7, с. 120]. «Вы справедливо скорбите о сокращении приходов и закрытии церквей. Что делать? <...> Слабеет вера. <...> Мертво. Живых действователей нет. И общества не принесут ожидаемой пользы. Поджигатели должны сами гореть. Горя, ходить всюду, — и в устной беседе зажигать сердца... Вот что потребно! А где это возьмем? Опять только молиться остается к Подателю всяких даров» [там же, с. 19–20].

Святителя Иоанна обвиняли даже в возбуждении бедных против богатых, в различных греховных наклонностях и нелюдимости.

Среди богатых женщин тоже было много недовольства. Ведь святитель Иоанн обличал их за непомерную роскошь, из-за которой их мужьям приходилось разорять и грабить народ, за изысканные и соблазнительные наряды и украшения.

Время жизни святителя Феофана, Затворника Вышенского, — XIX век — время бурного развития науки и философии, литературы и искусства — «золотой век» русской классической культуры. Это было время исканий и надежд, разочарований и прозрений. Но, как пишет в своей работе «Русская симфония» митрополит Иоанн (Снычев), это была «...пора окончательной потери соборного духовного равновесия народа, подорвавшая вековые устои русской православной государственности... страна оказалась ввергнута в водоворот религиозных, политических, экономических и военных перемен и нововведений, продолжавших размывать традиционные ценности бытия Святой Руси.

Православная Церковь была унижена и ослаблена: ликвидирована каноническая форма ее управления (патриархат), изъятием церковных земель подорвано благосостояние духовенства и возможности церковной благотворительности, резко сокращено количество монастырей — светочей христианской духовности и православного образования. Самодержавие как принцип правления (предполагающий религиозно осознанное отношение к власти как церковному служению, послушанию) все более искажалось под влиянием идей западно-европейского абсолютизма» [6, с. 233–234].

В это время усугубляется раскол между простым народом, который продолжает в большинстве своем придерживаться традиционных взглядов на жизнь, и правящими кругами, в которых обнаруживается засилье иноверцев и инородцев. «В целом, к началу XIX века существенному искажению подверглись основы русского жизнеустройства, те зиждительные силы, которыми Русь утверждалась и крепла; Православная Церковь лишилась своего канонического устройства, Царская власть попала под влияние светского мировоззрения, общенародное всесословное единство оказалось подорванным» [там же, с. 234].

Наблюдая все усиливающееся богоотступничество в русском народе, святитель Феофан, как и другие духовные авторитеты того времени, предупреждал общество о губительных последствиях расцерковления русской жизни. В своих трудах подвижник писал о неотвратимости кары Божией, свидетельствовал, что выльется она в форму кровавой революции, приводил в пример Францию с ужасами якобинского террора. «Сколько знамений показал Господь над Россией, — писал святитель, — избавляя ее от врагов сильнейших, и покоряя ей народы. Сколько даровал ей постоянных сокровищниц, источающих непрестанные знамения — в святых мощах и чудотворных иконах, рассеянных по всей Руси! И, однако ж, во дни наши россияне начинают уклоняться от веры: одна часть совсем и всесторонне падает в неверие, другая отпадает в протестантство, третья тайком сплетает свои верования, в которых думает совместить и спиритизм, и гносеологические бредни с Божественным Откровением.

Зло растет: зловерие и неверие поднимают голову; вера и Пра-

вославие слабеют! Ужели мы не образуемся? И будет, наконец, то же и у нас, что, например, у французов... Спаси нас, Господи!

Западом и наказывал, и накажет нас Господь, а нам в толк не берется. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим, есть уши, но не слышим, и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас!» [6, с. 249–250].

Таким образом, становится ясно, что во времена святителя Феофана в русском обществе было не меньше духовных проблем, чем в годы жизни святителя Иоанна Златоуста среди граждан Восточной Римской империи.

Вот один из примеров бедственного положения в русском обществе того времени. Владимирская епархия, которую возглавил святитель Феофан, была колыбелью раскола. Скрываясь от преследования, раскольники и сектанты прятались здесь и находили единомышленников. Они находили смелость проповедовать среди простого народа и совращать людей от пути спасения, пользуясь безграмотностью населения.

Святитель упорно боролся с расколом в своей проповеди, также он посещал раскольнические центры, где произносил наставления о несостоятельности и пагубности раскола, называя его плодом народного невежества. Ведь, отделяясь от церковного единства, раскольники лишали себя и своих последователей Божией благодати; при этом они всерьёз считали, что двоеперстие, небритая борода и т. д. есть чуть ли не самое главное условие спасения человеческой души.

Особое внимание святитель уделяет еретическим трудам писателя Льва Николаевича Толстого. Толстой отвергал христианские догматы, не исповедовал Святую Троицу, таинства, Вселенские Соборы, не верил в будущую вечную жизнь, составил своё «псевдоевангелие».

В XIX веке немало людей увлекалось оккультизмом. Святитель прямо называл спиритизм бесовским занятием и настоятельно советовал прекращать общение с теми, кто им занимается. Распространялось пьянство, с ним тоже необходимо было бороться.

В 60-х годах для крестьянских детей начали открывать земские начальные школы, однако учителя в них далеко не всегда были

православными христианами, а преподаванию Закона Божия отводилось очень немного времени. Церковноприходских школ было мало. Светское образование вообще стремилось отделаться от духовной составляющей.

Светское образование, по мнению святителя, подрывало духовное развитие детей с ранних лет и не давало им подлинных знаний о вере и христианской жизни. Кругозор сужался до узко материалистического восприятия мира, чем особенно страдала высшая школа. Люди считали себя православными, но по духу и убеждениям были скорее протестанты, если не вовсе атеисты. «Они прошли все науки в наших высших заведениях. И не глупы и не злы, но относительно к вере и Церкви никуда негожи. Отцы их и матери были благочестивы; порча вошла в период образования вне родительского дома. Память о детстве и духе родителей ещё держит их в некоторых пределах. Каковы будут их собственные дети? И что тех будет держать в должных пределах? Закрываю отсюда, что через поколение, много через два, иссякнет наше Православие. Что ж? сидеть, поджавши руки? Нет, надо что-нибудь делать!» [8, с. 138–139].

Особое внимание святитель Феофан обращал на отечественное богословие и духовную литературу своего времени. Обычно в основе православного богословия лежал духовный опыт, который, в свою очередь, основывался на аскетических подвигах. Но аскезы-то как раз встречалось немного: «Горько-то горько, что творится у нас среди мыслящих. Все ум потеряли... И даже богословствующие потеряли настоящие основы богословствования православного, и все смеются» [там же, с. 206].

Подводя итог, можно утверждать, что как во времена святителя Иоанна Златоустого, так и во времена святителя Феофана Затворника общество находилось в весьма тяжелом духовном состоянии: языческие идеи довлели в массовом сознании, и борьба с ними святителей была очень напряженной. Личная судьба обоих святых отцов некоторым образом схожа: архиепископ Иоанн Златоуст закончил свой земной путь в ссылке, а епископ Феофан в затворе. Аскетические подходы святителя Феофана, несомненно, во многом идентичны тем, что являл святитель Иоанн, но изменение самих жизненных условий и усиление немощи че-

ловческой побуждают Феофана Затворника искать «несколько смягченные» формы аскетизма, что отразилось в издании «Добротолюбия», написанного в основном для мирян.

Но для нас важно то, что их труды во многом дополняют друг друга, поскольку разница во временах их жизни составляет почти полторы тысячи лет. За это время произошло значительное падение духовного уровня всего человечества, пережившего отпадение от Церкви католицизма, усиление позиций протестантской апостасии, натиск ислама, сильное влияние новых богоборческих веяний в описании мироздания. Однако оба святителя твердо стоят на твердом основании, Который есть Христос Бог, утверждая незыблемые истины Церкви и ведя ко спасению тех, кто ищет спасения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иоанн Златоуст, святитель*. Творения. В 12 т. Т. 1. — СПб.: Изд-во СПбДА, 1898.
2. *Иоанн Златоуст, святитель*. Творения. В 12 т. Т. 2. — СПб.: Изд-во СПбДА, 1896.
3. *Иоанн Златоуст, святитель*. Творения. В 12 т. Т. 3. — СПб.: Изд-во СПбДА, 1897.
4. *Иоанн Златоуст, святитель*. Творения. В 12 т. Т. 5. — СПб.: Изд-во СПбДА, 1899.
5. *Иоанн Златоуст, святитель*. Творения. В 12 т. Т. 8. — СПб.: Изд-во СПбДА, 1902.
6. *Иоанн (Снычев), митрополит*. Русская симфония. Очерки русской историософии. — СПб.: Изд-во «Царское Дело», 2001.
7. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собрание писем: [В 4 т.] В 8 вып. [Т. 4.] Вып. 7. (Репринт. М., 1992).
8. *Феофан Затворник, святитель*. Письма о христианской жизни. — М.: Правило веры, 2007.
9. *Феофан, святитель*. Полное собрание творений Т. IV — Серия I — Книги I–II.
10. *Феофан, святитель*. Полное собрание творений. Т. VI.
11. *Феофан, святитель*. Полное собрание творений Т. IX — Книга I.